
А. Е. УХОВ

ИСТИНА И ЗАБЛУЖДЕНИЕ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ ИДЕОЛОГИИ ИСЛАМА И МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

В статье предпринята попытка разобраться в очень запутанном вопросе об исламских корнях международного терроризма. Одним из наиболее значимых выводов является утверждение отсутствия необходимой и достаточной связи между религией мусульман и идеологией международного терроризма.

Ключевые слова: терроризм, ислам, международный терроризм, идеология, рыночная экономика.

In the article the author makes an attempt to analyze a very complicated problem of the Islamic root of international terrorism. One of the most significant conclusions is the assertion of absence of necessary and sufficient connection between Muslim religion and international terrorism ideology.

Keywords: terrorism, Islam, international terrorism, ideology, market economy.

В современном мире среди факторов, угрожающих существующему мировому порядку, равно как и нормальной жизни каждого человека в отдельности, велика роль так называемого «международного терроризма». Не секрет, что большая часть угроз в современном мире исходит именно от исламских государств. Появившись как систематическое явление в политике конца XVIII в., террор «был призван стать инструментом построения свободного, справедливого общества» [Возжеников... 2005: 89]. Примерно такими же формулами пользуются для объяснения своих действий и современные террористы.

В связи с этим возникает вопрос: может ли одна из крупнейших мировых религий – ислам – служить базой или фундаментом для распространения общественно опасных, подрывающих основы ми-

Философия и общество, № 2 2016 51–63

ропорядка идей или, возможно, истинные причины терроризма иные?

Пусть А – содержание религиозного учения ислама, В – общественно опасные (экстремистские) идеи, а С – акты международного терроризма. Тогда суть проблемы, раскрываемой в статье, заключается в выяснении правомерности следующей логической формулы:

$$(A \ \& \ B) \supset C.$$

Проблема, обозначенная в теме, требует, таким образом, выяснения сущности учения ислама и наличия в нем общественно опасных идей, которые имеют причинно-следственную связь с актами международного терроризма. Ответ на этот вопрос не может быть однозначным в силу того, что общество – это сложнейшая система межличностных, межинституциональных и международных отношений, что ставит проблему выявления основных системообразующих свойств, связанных с проблемой терроризма и способствующих ее развитию.

В силу вышеприведенного ключом для выяснения истинной роли идей ислама может послужить системный подход. Основные методологические характеристики его таковы: объективность связей между явлениями, их независимость от нашего сознания; существенность связей между (вещь всегда существует в какой-то системе); многообразие типов связей определяет и соответствующее многообразие типов систем, образованных с помощью этих связей; всякая связь является взаимосвязью (что означает, что на одном и том же субстрате могут быть построены по крайней мере две системы, отличающиеся друг от друга направлением связей между элементами); из универсальности взаимосвязей вытекает универсальность системы (любые объекты могут быть представлены как некоторые системы); рефлексивность связей (система необязательно предполагает расчленение объекта на внеположенные друг другу элементы); относительный характер связи [Уемов 1978: 21–22].

Первое свойство любых систем говорит о том, что связи независимы от сознания, от того, какие связи мы выделяем, на какие обращаем внимание в первую очередь, а от каких (намеренно или ненамеренно – опускаем) система истинного знания зависеть не может.

В связи с вышеуказанной распространенной ошибкой при рассмотрении любых явлений действительности, порождающей подчас полярно противоположные точки зрения (часть из которых вызвана как раз нарушением свойства системности № 1), на наш взгляд, можно выделить такие распространенные заблуждения: однозначная связь между мусульманскими религиозными текстами и действиями террористов; исламская идеология внутренне неоднородна, изобилует непримиримыми течениями и направлениями, от умеренных до радикальных; вследствие предыдущего зачастую выдвигаются слишком обобщенные критерии для характеристики той или иной идеологии как «мусульманской», имеющей непосредственное отношение к ортодоксальной исламской традиции; необходимо разобраться с терминологией, с такими понятиями, как «экстремизм», «терроризм»; заблуждение, вытекающее из точки зрения на исламскую культуру через призму западного мировоззрения и наоборот, что осложняет адекватную постановку, а поэтому и решение проблемы международного терроризма.

Например, проблема интерпретации связана с двусмысленным толкованием различных мест из Корана. Например, в суре 22:39–40 находим: «Тем, которые подвергаются нападению, дозволено [сражаться], защищая себя от насилия. Воистину, во власти Аллаха помочь тем, которые незаконно были изгнаны из своих жилищ только за то, что говорили: “Наш Господь – Аллах”. Если бы Аллах не даровал одним людям возможность защищаться от других, то непременно были бы разрушены кельи, церкви, синагоги и мечети, в которых премного славят имя Аллаха. Нет сомнения, Аллах помогает тому, помогает Его религии. Воистину, Аллах – сильный, великий».

Сравним это с законами Моисея в Ветхом Завете: «Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской. Ни вдовы, ни сироты не притесняйте; если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, и воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами» [Исх. 22:21–24].

Налицо один и тот же смысл разных религиозных текстов. Однако никто не в силах осуждать израильтян, захвативших земли палестинцев и нарушивших, таким образом, законы Моисея, тогда

как многие осуждают палестинцев, как раз руководствующихся Кораном в отстаивании своих исторических прав на принадлежавшие им территории. Говорить, что подобных примеров довольно в любых религиозных текстах, излишне.

Вопрос заключается в интерпретации того или иного положения. Но в Библии есть очень хорошее указание-предостережение на этот счет: «Все, что я заповедую вам, старайтесь исполнить; не прибавляй к тому и не убавляй от того» [Вт. 12:32], а также более актуальное для христиан: «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей» [Откр. 22:18–19]. Это предостережение, нарушаемое не только политиками, но и религиозными авторитетами наших дней. Вопрос состоит не в поиске инструмента злоупотреблений, то есть самих религиозных текстов, а в поиске цели – того, ради чего и в чьих интересах искажаются и коверкаются религиозные истины. Здесь явный разрыв между истиной религиозного утверждения и тем, «что нам нравится». Отсюда, из эгоистического стремления современных политиков поступать, «как им нравится», проистекает нетерпимость. А из нетерпимости – и ужасы международного терроризма.

Быть может, прав С. Харрис, указавший на то, что «нетерпимость глубоко присуща любой вере», а «твердая вера в иную жизнь просто несовместима с толерантностью в этой жизни» [Харрис 2011: 17]? Однако уж точно нельзя согласиться с его выводами, что «религиозные различия – а потому и религиозные представления – стали угрозой нашему выживанию» [Там же: 18]. Исследователь приводит данные социологического опроса Исследовательского центра Пью, где на вопрос «Оправдано ли поведение смертников, защищающих ислам?» [Там же: 191] наибольший процент положительных ответов получили Ливан (73 %), Берег Слоновой Кости (56 %), Нигерия (47 %), Бангладеш (44 %), Иордания (43 %), наименьший же – Турция (13 %). Какой вывод можно сделать из приведенных данных? Нельзя согласиться с выводом Харриса, что «200 миллионов людей в мире открыто поддерживают терроризм»

[Харрис 2011: 193], без детального анализа причин таких ответов. Очевидно, что действия смертников не отвечают канонам Корана, прямо запрещающего самоубийство. Однако здесь возникают известные противоречия: пасть во время джихада означает путь в коранический рай, тогда как простое самоубийство – верный путь к шайтану.

На борьбу с терроризмом, на устранение последствий террористических актов расходуются огромные ресурсы. Не лучше ли не уничтожать терроризм, а «управлять» им? «Существуют более эффективные и гуманные пути управления террором» [Webel 2004: 3], – отмечает в связи с этим Чарльз П. Вебель.

Применяя метод аналогии, мы обнаруживаем, что западная либеральная система экономических отношений, как ни странно, не связана с традиционной религией (католицизмом) так, как связаны экономические отношения с исламом. Примерами этого являются Саудовская Аравия (то же семейство бен Ладенов, члены которого, несмотря на западное образование и методы управления семейным бизнесом, стараются придерживаться традиционных норм ислама¹). Традиционные отношения позволили исламскому Востоку успешно развиваться и опережать в этом отношении Запад. Несмотря на то, что идея современной науки и техники возникла не в странах ислама, «мусульманские наука и техника, особенно с IX по XIII в., далеко превосходили то, что мы могли бы назвать наукой и техникой в Западной Европе» [Goldman 2007: 17]. В это время получили широкое распространение усовершенствованные школы и университеты, где изучали не только Коран, но и метафизику, натуральную философию, право, медицину и искусство; особенно выделялись поэзия и музыка. Среди основных достижений исламской цивилизации можно назвать попытку рационализации и систематизации ислама Аверроэсом; «Канон медицины» Авиценны, преподававшийся около 500 лет наряду с идеями Галена в медицинских школах Европы; алгебру и теорию уравнений Абу-Камиля и Аль-Хорезми; двойную запись бухгалтерских счетов; изобретение и испытание летательного аппарата Ибн Фирнасом за 300 лет до Лео-

¹ Как отмечает Р. Жаккар, мировоззрение Усамы бен Ладена «формировалось в одном из крупнейших и наиболее консервативном исламском центре – университете имени короля Абдель-Азиза в Джидде» [см.: Жаккар 2002: 5].

нардо да Винчи; поэзию Омара Хайяма и многое другое. Ученые средневековой Европы многое переняли из арабских книг – сборников мудрости всего мира.

Протестантские корни либеральной идеологии являются неортодоксальными (то есть не продолжающими традиции). Это проявляется, например, в отсутствии моральных ограничений в отношении скопидомства или жесткой конкурентной борьбы в идее божественного предопределения М. Лютера. Известно, что даже социологи (М. Вебер) относили протестантизм не к религиям, но к идеологиям (политическим, оправдывающим сложившиеся отношения, социальную конъюнктуру).

Напротив, средневековые цеховые ограничения, непосредственно связанные с католическим культом бедности (Франциск Ассизский), основанные на заповедях Христа, регулировали все вопросы производства и потребления, не вызывая конкуренции. Тем самым средневековая экономика регулировала сама себя, не демонстрируя, правда, роста, но и не вызывая кризисных явлений.

То же самое мы видим и на Востоке, в исламском мире. Там и в экономических отношениях господствует та самая средневековая идеология, основанная на законах шариата, не позволяющая в полной мере реализовать западную либеральную, «безбожную» модель. Если страны Запада позволили себе отделить экономическую сферу (равно как и остальные) от религиозных оков «мрачного Средневековья», то страны Востока не могут этого себе позволить без отрицания (и тем самым уничтожения) своей культурной составляющей, которая остается достаточно сильной и в конце XX – начале XXI в.

Если мы не можем себе представить американца, топчущего Декларацию независимости или Конституцию США, то тем более мы не можем себе представить мусульманина, смеющегося над Кораном или отрицающего реальность пророка Мухаммеда.

Проблема происхождения терроризма лежит далеко не в вопросах идеологии (религии), в чем нас пыталась убедить, например, администрация Дж. Буша-младшего во время проведения «анти-террористической операции» в Ираке в 2003 г.

По мнению Ричарда Булье, причиной того, что Мухаммад изображается как «одержимый бесами педофил», а ислам – как

«религия террора», являются не террористические акты 11 сентября 2001 г., но «существовавшая ранее и существующая ныне враждебность» [Bulliet 2004: 15], исторически обусловленная борьбой христианской и мусульманской цивилизаций.

Совершенно различно отношение к актам международного терроризма на Западе и в странах мусульманского Востока: «...если для Вашингтона и Эр-Рияда Усама бен Ладен – террорист и диссидент, то для миллионов мусульман человек, открыто выступивший против американцев, евреев и короля, которого он обвинил в коррупции, стал героем легенды, чуть ли не мучеником, жертвой “козней” Запада» [Жаккар 2002: 32]. По словам бывшего директора ЦРУ Джеймса Вулси, война с терроризмом – это четвертая мировая война (третья мировая – это холодная война), которая «заставляет мусульман чувствовать, что они все вместе – мишень американского гнева» [цит. по: Bulliet 2004: 118].

На примере идеологии ислама можно показать неоднозначную роль в развитии крайних (экстремистских) идей в иных (неисламских) религиях. Примерами могут служить, например, то же христианство или иудаизм и, как показывает современная ситуация, индуизм (секта «Ананда Марга»), и даже буддизм (секта «Аум Синрикё»). Таким образом, отпадает решение проблемы путем указания на одну (единственную) религию как на источник идей экстремизма (терроризма). Причины терроризма лежат далеко не в духовной сфере, как принято считать в мире, где на первое место ставится духовное, тогда как человек заботится в первую очередь о материальном. Причины лежат в самой фундаментальности тех противоречий, на которые опирается, которым следует и на которые рассчитывает в будущем человеческая цивилизация. Причины лежат в способе существования западной цивилизации, «либеральной демократии», навязываемой повсеместно в мире ведущими капиталистическими державами.

Не секрет, что идеология либерализма положена в основу большинства постсоветских государств, отказавшихся от альтернативной коммунистической идеологии. И коммунистическая, и либеральная модели идеологии осуждали терроризм как политическое явление и, по крайней мере, демонстративно боролись с ним. Однако это не мешало им использовать терроризм третьих стран

в своих политических интересах (например, в Афганистане, когда США сначала помогали моджахедам, борющимся с советскими «захватчиками», а затем воюющими с движением «Талибан»).

Выходит, что политические игры, происходящие на международной арене, если не прямо, то косвенно способствуют разжиганию и подпитке терроризма.

Другой яркий пример политических ошибок, приводящих к тяжелым последствиям терроризма как последнего аргумента в полемике с властями, – история палестинского народа и его борьба против другого народа – еврейского. История такова, что в 1948 г. на территориях, где проживал палестинский народ, было образовано независимое государство Израиль. При этом методы, которыми пользовались еврейские спецслужбы, сгоняя палестинцев с их родных земель, в полной мере можно было отнести к террористическим.

В 1967 г., после захвата Израилем почти всей территории Палестины, в результате чего около миллиона палестинцев вынуждены были искать приют в других арабских странах, возникло Палестинское движение сопротивления (ПДС), куда вошли представители различных этноконфессиональных общин и даже иностранцы, которых объединяла ненависть к захватнической политике Израиля. Одной из самых резонансных террористических акций явился захват в заложники и убийство 9 израильских спортсменов на Олимпийских играх 5 сентября 1972 г. Основной целью этой и многих других акций палестинских террористов было «привлечение внимания международной общественности к положению палестинцев и их борьбе» [Возжеников 2005: 110].

В ответ палестинские беженцы создали Организацию освобождения Палестины, которая была в 1974 г. признана ООН и даже время от времени признавалась США. Однако после громких терактов, ответственность за которые взяла ПДС, ООП как структурное подразделение ПДС была объявлена террористической организацией.

С другой стороны, важными в деле развития международного терроризма оказываются и геополитические факторы. В значительной степени формированию палестинского терроризма способствовала международная атмосфера, определяющим фактором в кото-

рой являлось противостояние оси Запад – Восток, между западным миром во главе с США и восточным блоком, ведомым СССР, когда социалистические страны оказывали поддержку «национально-освободительной борьбе» палестинского народа (Сундиев 2008). Этому закономерно пытались противодействовать западные спецслужбы, видя в этой поддержке попытки усиления СССР на Ближнем Востоке.

Далее либеральная модель современной мировой экономики, которая ставит во главу угла не принципы справедливости и равенства, почерпнутые из крупнейших религиозных текстов, а, напротив, формальный и слепой в ценностном отношении закон спроса и предложения, также не способствует снижению социальной напряженности в беднейших странах Юга – основном на сегодняшний день очаге международного терроризма.

Тем самым идеи капитализма западной, либеральной модели, отрицая религиозные нормы и культурные традиции, также способствуют росту недовольства «дипломатией доллара» и международному терроризму.

Известно меткое выражение К. Маркса: «Политика – это концентрированное выражение экономики». Оно в полной мере справедливо и для анализа проблемы международного терроризма. Терроризм, как на то указывают позитивистски ориентированные социологи и политологи, – не продукт идеальных отношений, связанных с исламом, но скорее результат многих факторов экономического порядка, таких как бедность стран Юга, к которым принадлежат и многие мусульманские страны, нищета значительной части граждан, низкий уровень социальной защиты и т. п. Среди факторов второго порядка эскалации идей экстремизма и терроризма, следуя Марксу, нужно выделить политическую нестабильность, беззащитность граждан от вооруженного насилия и мародерства, бандитизм и коррумпированность властей.

* * *

Таким образом, международный терроризм – это сложное системное явление, связанное далеко не в первую очередь с вопросами содержания (и тем более не связанное с пересмотром и толкованием) каких-либо религиозных исламских изречений. В этом

смысле неверно распространенное в США выражение «священный террор»². Терроризм не связан непосредственно с определенной религией, такой, например, как ислам (такую ошибку часто допускают), равно как он не связан с религией как феноменом культуры вообще. Отсюда формулировка $(A \ \& \ B) \supset C$, в силу своей претензии на формально-логический универсализм, не может корректно применяться к высказыванию вида: «Если в исламе содержатся экстремистские идеи, то это приводит к росту международного терроризма» (однако по закону сложной контрапозиции мы вполне могли бы применить здесь эквивалентную формулировку:

$$(A \ \& \ \neg B) \supset \neg C,$$

что означало бы: «Если в исламе не содержится экстремистских идей, то это не влечет роста международного терроризма»). Это означает, например, что вывод справедлив только для основных (мировых) религий, но ни в коем случае не новых религиозных направлений (сект). Но даже в случае сект терроризм – путь к власти, конечная цель – политическая власть или, по меньшей мере, возможность повлиять на те или иные политические решения.

Сущность проблемы терроризма лежит далеко не в религиозных текстах и даже не в двойственном характере некоторых их положений. Двойственность и даже противоречивость присуща многим мировым религиям, и главной причиной этой двойственности является не сам религиозный текст, а язык, на котором он написан. Но это проблема уже другого плана – лингвистическая и семантическая, выводящая ее за пределы сферы политики.

Меч ислама – это наказание Божье за грехи и ошибки, такое толкование ближе к истине в том смысле, что теракты – это ответ части общества, все более увеличивающейся в объеме, на то, что политики все чаще склоны «закрывать глаза» на насущные проблемы населения. Самым известным примером этому является история ООП – Организации объединения Палестины.

Именно так, с помощью системного подхода, должны пониматься в целом те явления терроризма, которые выпали на долю как стран Запада, так и России. Это должно побудить власти госу-

² Например, в книге: [Milton-Edwards 2006].

дарств, подвергшихся террористическим атакам, не к возмездию и войне – суть разжиганию все большей вражды, а к переосмыслению собственных ошибок в политике, которые и являются главными причинами распространения такого явления, как международный терроризм.

В недостаточной осмысленности этой природной двойственности естественного языка заключается «корень зла». Приписывание терроризма как существенной характеристики той или иной религии – это не только заблуждение, но и ошибка, ведущая правительства современных государств к тяжелым последствиям, таким как эскалация межрелигиозных и межэтнических конфликтов. Доказательством этому служит расширяющаяся география международного терроризма и военных конфликтов.

Терроризм – это закономерное явление, рожденное развитием сложного общественного организма. Это попытка изменить/повлиять на те или иные общественные отношения, в которой органично и порой причудливо сплетаются как справедливые экономические или политические требования ущемленных народов, так и авантюристические и эгоистические стремления нажиться материально и (или) приобрести большую власть. Зачастую последние используют первых в своих целях, которые как раз идут вразрез с заповедями (нормами) традиционных религий.

С другой стороны, терроризм – это явление, вызванное недостатками экономической западной либеральной системы, служащей эталоном для всех стран мира. Экспансия доллара, биржевые спекуляции, борьба за ресурсы, неэкономические способы конкуренции – все это приводит к эскалации насилия, несправедливости в распределении материальных ценностей, поиску причин последнего, желанию изменить ситуацию, в итоге – к терроризму как крайнему способу социально-экономической и политической трансформации.

С 1937 г. ведется совместная работа правительств многих государств по борьбе с терроризмом и противодействию его распространения. Однако опасность этого антиобщественного явления не только не стала меньше, но, напротив, многократно возросла. По-видимому, как верно заметил С. С. Алексеев, здесь возникают «пределы юридического воздействия», так как «при помощи права

нельзя сделать “все и вся”» [Алексеев 1972: 91]. Правовая сфера демократических государств априори не может проникнуть в сферу духовных и межличностных отношений, на которых и основывается распространение явления терроризма.

Основным (и наиболее действенным) средством борьбы с терроризмом (в том числе международным) является достижение большинством стран экономической стабильности и благополучия для основной массы населения. Некоторые религиозные деятели предлагают борьбу в сфере духовной. Например, предлагается создать «мусульманский телеканал» наравне с «православным телеканалом». Возможно, было бы лучшей идеей объединить их и создать единый телеканал для всех религий мира.

Однако и эти меры, как нам представляется, также являются действенными, однако без соответствующих изменений в экономике они будут лишь фикцией.

Немалый вклад в эскалацию терроризма вносят и сами политические и религиозные деятели. Примером тому явились, например, попытки «лоббирования» введения некоторыми представителями РПЦ нового предмета «Основы православной культуры». Как известно, реакция была довольно бурной в неправославной части общества России (в частности, председатель Духовного управления мусульман Азиатской части России шейх Нафигулла Аширов пообещал в случае введения «вторую Чечню» [Кураев 2005: 18]). В результате сегодня мы имеем «Основы религиозных культур и светской этики». Но вспышки православного, а вслед за этим и других видов религиозного фундаментализма мы имеем и теперь.

Например, это видно из резкой критики режиссера фильма «Левиафан» А. Звягинцева со стороны высших иерархов РПЦ, нашедшее поддержку представителей Министерства культуры. Позиция режиссера, помимо прочего, включала критику оторванности РПЦ от действительных нужд большинства населения. Представляется, что такая реакция на попытку показать слабые стороны РПЦ не может не вызывать тревоги у общественности и, кроме того, не способствует решению насущных проблем государственного управления, в том числе и противодействия экстремизму.

Литература

- Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972.
- Возжеников А. В. (ред.). Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: монография. М.: Изд-во РАГС, 2005.
- Жаккар Р. Именем Усамы бен Ладена. Секретное досье на террориста, которого разыскивает весь мир. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- Коран / пер. Н. О. Османова [Электронный ресурс]. URL: <http://critean.org/islam/koran/osmanov>.
- Кураев А. В. Как относиться к исламу после Беслана? М.: Мрежа, 2005.
- Сундиев И. Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы. М.: ВНИИ МВД России, 2008.
- Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем: монография. М.: Мысль, 1978.
- Харрис С. Конец веры: религия, террор и будущее разума. М.: Эксмо, 2011.
- Bulliet R. W. The Case for Islamo-Christian Civilization. N. Y.: Columbia University Press, 2004.
- Goldman S. L. Great Scientific Ideas That Changed the World. Part I. Goldman. Virginia: The Teaching Co, 2007.
- Milton-Edwards B. Islam and Violence in the Modern Era. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006.
- Webel Ch. P. Terror, Terrorism, and The Human Condition. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004.